

ЛЕКЦИЯ № 6. СВОБОДА И ЯЗЫК. ЧАСТЬ 1

Иосиф Дзялошинский,
Академия коммуникации и информации (Россия)

Аннотация: Лекция посвящена анализу проблем, связанных с возможностью использовать разные языковые ресурсы для воздействия на сознание и поведение адресата коммуникативного взаимодействия. Показано, что идея ничем не ограниченной свободы языка актуализирует проблему использования нецензурной лексики и «свободное» обращение с лексическими и грамматическими нормами. Сразу возникает вопрос о так называемом языковом и речевом хулиганстве. Еще более важная проблема связана с так называемым «языком вражды», питательной средой которого является ксенофобия. В лекции исследуются причины использования «языка вражды», его виды и формы. Предлагается заменить расплывчатое понятие «язык вражды» понятием «речевая агрессия». Опираясь на мысль Б. Спинозы, согласно которому свобода применительно к человеческому поведению есть осознанная необходимость, рассмотрен другой способ использования языковых технологий, объединяемых понятием «политкорректность». Рассмотрены суть этой модели человеческой коммуникации, её теоретические предпосылки, позитивные и негативные аспекты использования.

Ключевые слова: свобода, язык вражды, речевая агрессия, политкорректность.

Введение

В предыдущих лекциях были предъявлены разные толкования понятия «свобода». Разнообразие этих толкований связано с различиями в понимании трех структурных компонентов свободы: 1) субъекта; 2) действий, которые совершает или собирается совершить этот субъект; 3) ограничений или препятствующих обстоятельств, мешающих совершить эти действия. Следовательно, любое умозаключение о свободе или несвободе может быть представлено в виде высказывания вышеупомянутой формы, определяющей, что кто-то свободен или несвободен сделать что-то. При этом наличие в высказывании всех трех элементов необязательно, так как, если «при обсуждении свободы отсутствует ссылка на один из этих параметров, это должно происходить лишь потому, что считается, будто он понятен из самого контекста обсуждения» (MacCallum, 1967, p. 314).

К этой формуле, на наш взгляд следует добавить многократно обрученное экзистенциалистами и последователями многих других философских течений утверждение Б. Спинозы, согласно которому свобода применительно к человеческому поведению есть осознанная необходимость. «Свободной, — писал Б. Спиноза, — называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой.

DOI:
[https://doi.org/10.62499/
ijmcc.vi11.261](https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi11.261)

Цитировать:
Дзялошинский, Иосиф. 2025. СВОБОДА И ЯЗЫК. ЧАСТЬ 1. Международный научный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 10: 92-117

Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем-либо иным определяется к существованию и действию по известному и определенному образу» (Спиноза, 1999, с. 316). Развивая определение Б. Спинозы, можно сказать, что свобода — это отсутствие внешних ограничений для саморазвивающейся системы. В этих условиях система быстро развивается, реализуя весь свой потенциал и быстро приближается к своему неизбежному концу. Вторая половина определения Б. Спинозы дает основание для вывода о том, что свобода представляет собой возможность выбора определенной модели поведения в условиях некоторых внешних ограничений, которые приходится соблюдать. Отношение к этим ограничениям как раз и определяется осознанием их значимости как для самого субъекта, так и для значимых Других. С этой точки зрения, свободной можно считать систему, которая знает о существовании внешних ограничений и обладает ресурсами, достаточными для их преодоления.

Применительно к речевой деятельности говорят о том, что у субъекта есть возможность выбора предлагаемых языком вариантов оформления смыслов. В широком смысле язык обеспечивает возможность как подключения к любым ресурсам информационно-коммуникационного универсума, так и включения в информационно-коммуникационный универсум произведений своего языкового творчества. В узком смысле вариативное поле включает в свой состав множество способов выражения мысли (в том числе и тех вариантов, которые лежат за пределами кодифицированной нормы). По мнению Г. Гусейнова, «язык — это единственное реальное воплощение свободы в нашей жизни» (Гусейнов, URL).

Вопрос о свободе языка в той или иной форме затрагивался в работах Л. Витгенштейна, по мнению которого границы языка обозначают границы нашего мира (Витгенштейн, 2022). Этот тезис положил начало точке зрения лингвистического идеализма, согласно которой все содержание сознание может быть выражено только в языковой форме. Не существует «внутренней арены» субъекта, rationalной субстанции, в которой мыслительная деятельность сначала зарождается, а затем выражается. Анализ сознания, тем самым, не просто заключается в анализе языка — он исчерпывается им.

Лингвистический идеализм утверждает предельную форму языковой свободы. Признавая бесконечный плюрализм языков, лингвистические идеалисты предлагают признать все языки равноценными. Например, язык дикарей вполне может быть столь же «научным», как и язык физика, а язык тинэйджа столь же образным, как язык великого поэта. В идеале, как полагают наиболее радикальные лингвистические идеа-

листы, пределов языковой свободы не существует. Каждый творит собственный язык, облекая жизнь в череду удачных и неудачных метафор.

Однако эта позиция вызывает возражения. Ниже приведены некоторые критические аргументы (Никоненко, 2018).

Эпистемологический аргумент. Невозможно доказать, что все языки одинаково успешно описывают действительность, и, вместе с тем, нельзя доказать, что существует хотя бы один язык, который вообще не описывает действительность.

Логический аргумент. Языков может быть бесконечно много, но каждый из них должен иметь фиксированный набор семантических правил. Подобных наборов правил всегда будет конечное количество, в отличие от бесконечности возможных языков.

Онтологический аргумент. В каждом языке реальность символически преобразуется, однако самый маргинальный язык не лишен определенных объективных положений.

Социальный аргумент. Уникальность любого языка конфликтует с требованием быть понятным (хотя бы частично) для носителей другого языка. Это делает коммуникацию между языками систематически неполной.

Моральный аргумент. Свобода языкового творчества личности, группы, нации может быть столь же вредна для общества, как эгоизм. В результате, благо одного «языкового субъекта» часто оборачивается вредом для всех остальных.

Языки ненависти, вражды, ксенофобии

В самом примитивном смысле идея ничем не ограниченной свободы языка актуализирует положение о том, что каждый субъект определяет рамки свободы, основываясь на своих взглядах, убеждениях и предрассудках, моральных установках. Но как бы это понятие ни толковалось, в контексте языка зачастую оно сводится к нескольким вещам: «свобода» в использовании нецензурной лексики и «свободное» обращение с лексическими и грамматическими нормами. Сразу возникает вопрос о так называемом языковом и речевом хулиганстве. Этот вопрос поставила Н.С. Поварницына в своей кандидатской диссертации (Поварницына, URL), в которой констатировала, что идея свободы творчества и спряженный с нею феномен хулиганства являются знаковыми в русской культуре Серебряного века. Эпоха исторических переворотов ознаменовалась кризисом культуры, преобладанием в ней деструктивных тенденций. Опыт литературных революций востребовал к жизни тип автора-индивидуалиста,

ниспровергающего литературные авторитеты. В поэтических практиках К. Бальмонта, В. Брюсова, В. Маяковского, С. Есенина и других переживающее опыт переоценки ценностей «Я» утверждалось через отрицание установившегося в литературе канона.

Поскольку свобода творчества в начале XX в. становится центральным предметом эстетических манифестов, выдвинутых различными поэтическими школами, и одновременно осмысливается религиозно-христианской философией, необходимо систематизировать трактовки этого понятия и далее показать, как в конкретных поэтических практиках идея свободы творчества приводит к литературному хулиганству. Творчество В. Брюсова, В. Каменского и С. Есенина не только отражает динамику литературного хулиганства, воплощенного на разных этапах историко-литературного процесса рубежа XIX-XX вв., но и позволяет показать продуктивные для литературы Серебряного века варианты разрушения традиции (Поварницына, URL).

Не будем пересказывать всю работу, процитируем лишь выводы. Согласно Н.С. Поварницыной, категория «свобода творчества» предполагает такую форму пребывания художника в культуре, при которой он актуализирует в самоценном творческом акте отрицание сдерживающей эту свободу предшествующей культурной традиции; исповедующий идею свободы творчества художник идет либо по пути восстановления отдаленной культурной традиции, реализуя ее в новой функции отрицания, либо по линии расширения границ искусства, привлекая маргинальную культуру в качестве «хулиганского» жеста. Таким образом, творческая индивидуальность каждого поэта: его эстетические установки, созданная им картина мира, его представления о человеке — проявляется в специфике путей отрицания, которые он выбирает, утверждаясь в культуре.

К сожалению, Н.С. Поварницына никак не обозначает связь языкового хулиганства знаменитых поэтов с заурядным ежедневным языковым хулиганством так называемых простых людей.

Ксенофобия и язык

Самым ярким примером полной свободы речевого поведения является язык ненависти. Питательную почву этому языку предоставляет ксенофобия, обозначающая систему представлений, согласно которым все, что несет с собой чужая культура, представляет собой угрозу для привычного образа жизни. В других терминах ксенофобию в общем виде можно определить как проявление негативных установок по отно-

шению к представителям различных этнонациональных или этноконфессиональных общностей (народов) или стран, а также к социальным группам, воспринимаемым как «чужие» в местном или «большом» сообществе. Таким образом, ксенофобия — это прежде всего сложный комплекс негативных эмоциональных проявлений, основу которого составляет чувства враждебности и презрения, включающие эмоции страха и отвращения к «чужакам». Для человека, страдающего ксенофобией, сама эта фобия становится целью жизни. Отсюда нетерпимость, агрессия к людям, представляющим другую расу, религию, социальную культуру.

Ксенофобия представляет собой набор реакций закрытого и неуверенного в себе общества или его отдельных групп и слоев, не имеющих надежд или благоприятных перспектив на улучшение своего положения, на процессы усложнения общественной системы, воздействия внешнего мира, вторжения в косную среду иерархического социума идей, институциональных, потребительских, культурных, информационных и поведенческих образцов, характерных для собственной периферии или современного западного мира (Гудков, URL). Так, например, неприязнь к мигрантам представляет собой защитную архаическую реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или возможности сохранения своих позиций или интересов. Чувство опасности или тревожности усиливается не только из-за собственно наплыва мигрантов, но и недостаточности, по мнению населения, принимаемых властями мер, неуверенности, что власти в состоянии обеспечить «заботу» о «своих», общего недоверия к основным социальным институтам. Психологическая «рационализация» этой тревожности ведет к диффузной агрессии по отношению к приезжим, т. е. к переносу на них причин собственных страхов. Эти смещенные на чужих проекции собственной неполноценности (приписывание им своих мотивов поведения или желаний) не подлежат осознанию, но их неявность, латентность не снижает их значимости: именно они оказываются всегда первыми «под рукой», когда требуется конкретизировать и обосновать массовые страхи. Кроме того, само выражение этих фобий предполагает акцентирование значений и ценностей «мы», выражаемых в требованиях представления населению «принадлежащих» ему прав, статуса, преимуществ и пр. В этом плане фобии играют важную роль механизмов коллективной интеграции.

Чтобы понять, в кого целят люди, страдающие ксенофобией, Р. Тарас предлагает рассмотреть понятие «далеких местных», введенное З. Бауманом. Выражение «далекие местные»

подразумевает людей, которые живут в других концах мира и о которых мы узнаем из глобальных СМИ. Все, что нам известно о жизни этих людей, — убийства, эпидемии, мародерство, творящиеся в их странах. Нам остается лишь благодарить Бога, что Он сотворил их так далеко отсюда: пусть же они там и остаются (Taras, 2009, p. 94). Р. Тарас полагает, что понятие «далекие местные» может быть применимо и к меньшинствам внутри общества. Собственно, не столько само пересечение границы превращает приезжих в «чужих», сколько попирание ими сложившегося у «настоящих местных» чувства защищенности, ломка устоявшихся представлений большинства о далеком и близком, о том, что находится внутри и за пределами (Bauman, 2004, p. 95). Р. Тарас четко показывает, что выражение «далекие местные» может подразумевать различных людей: и мигрантов, и гостей, и временных переселенцев, и представителей той или иной диаспоры, и даже коренных членов общества, рассматривающихся, однако, большинством в качестве тех, кто к этому обществу не принадлежит. Причем это почти не связано с гражданским статусом таких людей или временем, в течение которого они уже пребывают на территории страны. Р. Тарас указывает, что это могут быть как кавказцы, евреи или цыгане в России и Восточной Европе, так и мусульмане в Западной Европе. Более того, близкими к «далеким местным» оказываются и «вненациональные» группы, обладающие субнациональной либо сверхнациональной идентичностью (Taras, 2009, p. 94).

З. Бауман связывает развитие ксенофобии с заменой традиционных институтов солидарности рыночными структурами. «Ксенофобия, растущая подозрительность в отношении иностранного заговора и возмущение „посторонними“ (в основном эмигрантами, этими живыми и наглядными напоминаниями, что стены могут быть преодолимы, а границы стерты; этими естественно возникшими „чучелами“, напрашивавшимися на то, чтобы их сжигали, напоминающими о мистических силах глобализации, выходящих из-под контроля) могут рассматриваться как извращенная рефлексия отчаянных попыток спасти все то, что осталось от некогда существовавшей солидарности локального сообщества» (Bauman, 2004, p. 99). Когда линия в конкретном сообществе между включенными в это общество и исключенными из него начинает исчезать, когда «местное» население и граждане, связанные с этим обществом кровным родством маргинализуются, в то время как иностранцы оказываются интегрированными, ксенофобские настроения только усиливаются (Акопов, Прощина, 2011; Акопов, URL).

Есть основание предположить, что разложение тотали-

тарного общества не ведет к появлению новых идеологий, новых «демократий» и либеральных политических и правовых систем. Инерция прежних репрессивных институциональных структур нейтрализует и стерилизует ранние или зародышевые формы политической демократии, делает несостоятельным всю пышную декларированную партийно-парламентскую систему. В этой ситуации вновь застывающего, стагнирующего социума начинают быть крайне важными и действенными механизмы негативной солидарности и интеграции, причем остаточные тоталитарные представления принимают формы эклектического и рутинного национализма, сохраняющего саму возможность тотальной массовой самоидентификации. Ксенофобия с этой точки зрения — синдром стагнирующего общества, у которого отсутствуют авторитеты, идеальные представления и цели, надежды на будущее. Она представляет собой примитивные формы консервативной самозащиты, сопротивления модернизации, попытки сохранить принципы номенклатурной конституции социума, но уже в виде неравноправного и иерархического устройства — деления на «этносы» (как суррогата социальной структуры) или этносоциальные общности, располагающие неравными социальными, гражданскими и политическими правами.

Механизм ксенофобии сложен и противоречив и является результатом многих факторов: биологического, психологического, культурного, социально-политического, экономического. Но если не вдаваться в подробности, то можно выделить три комплекса причин ксенофобии: социально-психологические, общекультурные и личностные.

Понятие «ксенофобия» довольно часто отождествляется с понятиями «вражда» и «агgression». На наш взгляд, понятием «вражда» целесообразно обозначать скрытые, внешне не проявляемые отношения, проникнутые неприязнью, ненавистью к адресату отношения.

Понятие «агgression» стоит использовать в ситуациях намеренного, мотивированного деструктивного поведения, наносящего вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящего физический ущерб людям или вызывающего у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.). Другими словами, агрессия понимается как специфическая форма разрушающих (деструктивных) действий человека, которые подразумевают применение силовых воздействий и нанесение другим людям, а также живым существам или предметам различного рода вреда (сюда включается как физический вред, так и психологический) (Агрессивность, URL).

Агрессия, как верно подчеркивают Р. Бэрон и Д. Ричардсон, — это модель поведения, а не эмоция, мотив или установка (Бэрон, Ричардсон, 2001). Другими словами, агрессия — это проявленная, открытая вражда, т. е. любое поведение, сознательно нацеленное на оскорблечение другого живого существа или причинение вреда ему, не желающему подобного обращения (Бэрон, Ричардсон, 2001).

Разумеется, агрессия довольно часто сопровождается так называемыми негативными эмоциями страха, злости, гнева и т. п. Однако в человеческом мире есть немало примеров совершенно очевидной агрессии, которая реализуется по холодному расчету, без всяких эмоций. Особенно в бизнесе и на межгосударственном уровне (в этом случае эмоции демонстрируются в процессе информационного сопровождения агрессии). Готовность к агрессии, по мнению психологов, возникает в детстве от недостатка любви и внимания, отсутствия положительных эмоций. На формирование агрессивности влияет пример поведения родителей, агрессия и враждебность членов семьи, просмотр фильмов с элементами агрессии, «воспитание улицы» с ее жесткими законами и т. п. (Агрессия у детей, URL).

Чаще всего понятия «агрессия» и «насилие» используются как синонимы. На наш взгляд, агрессия, понимаемая как модель поведения, может быть связана с насилием, но может обходиться без насилия. Агрессия представляет собой любое воздействие на объект с сознательной целью изменить его или изменить условия его существования. Так понимаемая агрессия может осуществляться с помощью как ненасильственных, так и насильственных средств.

Согласно общепризнанному на сегодняшний день определению, насилие — «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб» (Насилие, 2003). В данном случае имеется в виду насилие физическое, когда человек причиняет вред человеку. Некоторые авторы понимают насилие как принудительное воздействие на индивида или группу лиц посредством нанесения физического ущерба или создания препятствий для полноценной жизни. В других работах используется более широкое понимание насилия, которое рассматривается как всякое осуществляемое в пространстве свободной воли доминирование людей друг над другом, включая и такие скрытые формы, как экономическая эксплуатация или

манипулирование сознанием. Самую широкую модель насилия предложил М. Ганди, который считал, что насилием являются надувательство, ложь, дезинформация, отказ от всякого примирения, мстительность и более всего ненависть. Ненависть — это утонченнейшая форма насилия; мы не можем по-настоящему практиковать ненасилие и в то же время носить в себе ненависть, считал М. Ганди (Ганди, 2012).

На наш взгляд, ненависть представляет собой мощную эмоцию, которая может предшествовать насилию или сопровождать его, но не должна отождествляться с насилием. Насилие — это всегда действие.

Язык вражды как форма выражения ксенофобии

Понятие «язык вражды» сегодня исследуется в разных научных сферах: социологии, юриспруденции, политологии, культурологии и во многих других областях гуманитарных наук. Так, например, «язык вражды» может рассматриваться как предмет юридических исследований и анализироваться в контексте нормативно-правового регулирования, а в рамках политологии можно рассматривать влияние «языка вражды» на общественно-политический дискурс и т. п.

«Язык вражды» — явление глобального масштаба, которое распространяет в обществе дискриминационные, нетолерантные идеи и настроения, подстрекает и провоцирует людей к враждебности, ненависти, агрессии в реальной жизни и в особенности в виртуальной. С точки зрения права использование «языка вражды» может рассматриваться как нарушение закона, так как содержание таких выражений может иметь оскорбительный или экстремистский характер, может унижать достоинство человека, подстрекать людей к ненависти или актам насилия. Как следствие, многие международные организации обратили свое внимание на эту проблему. Для борьбы с этим явлением было предложено множество рекомендаций, стратегий, которые бы регулировали и минимизировали распространение и влияние «языка вражды».

В мае 2019 г. генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериши подписал документ «United Nations strategy and plan of action on hate speech», в котором была представлена стратегия ООН по борьбе с «языком вражды», а также были отмечены основные принципы и обязательства, которых они собираются придерживаться. Согласно этому документу, термин «язык вражды» следует понимать как «любой вид коммуникации, как верbalный или неверbalный, так и письменный, который используется для нападок и содержит в себе уничижительные или дискриминационные выражения в отношении человека или группы исходя из того, кем они являются,

другими словами, на основе их религии, этнической принадлежности, национальности, расы, цвета кожи, происхождения, пола или другого фактора идентичности» (United Nations strategy, URL).

Комитет Министров Совета Европы дал следующее определение «языку вражды» — это термин, используемый для описания широкого дискурса, который носит крайне негативный характер и представляет угрозу мирному сосуществованию людей в обществе. Согласно формулировке Совета Европы, «язык вражды» охватывает все формы выражения, которые распространяют, разжигают, поощряют или оправдывают расизм, ксенофобию, исламофобию, антисемитизм, сексизм и другие формы ненависти или дискриминации в отношении меньшинств, основанные на нетерпимости (Hate Speech, URL). В 2015 г. Совет Европы выпустил документ с рекомендациями по борьбе с «языком вражды», в котором характеризуют это явление как вид пропаганды, поощрения или подстрекательства к дискредитации или ненависти человека или группы людей (ECRI General policy recommendation, URL). Использование «языка вражды» способствует поддержанию негативных стереотипов, стигматизации и в более серьезной форме — угрозам и подстреканию к запугиванию или к агрессивным действиям, насилию в отношении конкретных людей. Рекомендация Совета Европы признает, что «язык вражды» может принимать форму публичного отрицания, принижения, оправдания геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений.

В российской практике для термина «язык вражды» не существует единого, общепринятого определения, так как он пришел к нам с Запада, и это обозначение является переводом с английского “hate speech”. В связи с этим в работах разных исследователей данное явление также называют языком или речью ненависти, речевой, языковой, вербальной или коммуникативной агрессией, мотивированными ненавистью высказываниями, риторикой вражды и т. д. В большинстве лингвистических исследований используется термин «речевая агрессия», она анализируется как психолингвистическое явление, в котором, с точки зрения психологии, агрессия рассматривается как вид речевого поведения, а с лингвистикой связан только способ ее выражения (Закоян, 2008, с. 46).

«Язык вражды» можно определить как дискриминационные высказывания по отношению к индивиду или группе, которые основываются на таких характеристиках, как раса, национальность, историческое и культурное происхождение, религия, этничность, гендерная идентичность, сексуальная ориентация, инвалидность, политические убеждения и

т. д. (Воронина, Токтогулова, Кайыпов, 2021). Проще говоря, «язык вражды» — это дискриминация «другого», ксенофобия, проявление нетерпимости на вербальном и дискурсивном уровне. Эти нетактичные, враждебные выражения, как правило, направлены на людей из-за какого-либо конкретного аспекта их идентичности, и, как результат, этот язык провоцирует как минимум неприязнь, а как максимум может повлечь реальные агрессивные действия. Как правило, «язык вражды» проявляется в словах и выражениях, которые носят негативную окраску, имеют отрицательную коннотацию, и зачастую в их содержании присутствуют прямые оскорблении. «Язык вражды» может также выражаться и в невербальной форме, например, в изображениях, гифках, распространяющихся в интернете, эти объекты тоже могут иметь дискриминационный, враждебный характер.

Некоторые исследователи, анализируя это явление, принимают несколько вариаций его названия в качестве идентичных.

П.Н. Хроменков приравнивает определения «язык вражды» и «риторика ненависти», он называет этот феномен «обобщенным обозначением языковых средств выражения резко негативного отношения граждан по отношению к представителям носителей иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей». В своей работе П. Н. Хроменков подчеркивает, что «язык вражды» является средством выражения негативного отношения, а также инструментом проявления дискриминации по таким признакам идентичности, как например расизм, сексизм, гомофобия, межнациональная вражда, религиозная ксенофобия, социальная или политическая нетерпимость (Хроменков, 2014, с. 60-61).

Е.Н. Василенко под термином «язык вражды» понимает «совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях отношение к адресату — носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и как следствие, вербализирующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости» (Василенко, 2019, с. 127). Е.Н. Василенко, рассматривая «язык вражды» с точки зрения конфликтологии, отмечает, что этот феномен несет в себе угрозу для общества, так как его суть заключается в распространении ненавистнической риторики и поддержании предубеждений и стереотипного мышления, что в конечном счете может приводить к развитию социальных конфликтов (Василенко, 2021, с. 90).

Ю.В. Щербинина в своих книгах, посвященных рече-

вой агрессии и методам ее преодоления, определяет «язык вражды» как слова и выражения, которые подсознательно или явно программируют людей на агрессию (Щербинина, 2004). Ю.В. Щербинина также подчеркивает тот факт, что «язык вражды» служит инструментом для выражения ненависти ко всему непривычному, тому, что выходит за рамки устоявшихся представлений, стереотипов, другими словами, ко всему «иному» (Щербинина, 2004, с. 14).

А.В. Гладилин под «языком вражды» понимает коммуникацию, основанную на стереотипах, предубеждениях, дискриминации в самой острой ее форме. Он подчеркивает, что «язык вражды» — это самая кричащая, ярко выраженная форма такого рода коммуникации. В своей статье о «языке вражды» в традиционных и новых медиа А.В. Гладилин дает следующее определение этому термину: «язык вражды» (*hate speech*) — преследуемая по закону «коммуникация, которая не несет никакого иного смысла, кроме выражения ненависти к некоторой группе, особенно в условиях, когда коммуникация может спровоцировать насилие (Гладилин, 2013, с. 144). Это подстрекательство к ненависти в первую очередь в отношении группы лиц, определяемой по признаку расы, этнической принадлежности, национального происхождения, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.» (Гладилин, 2013, с. 144).

В статье А. И. Грищенко и Н. А. Николиной отмечено, что одной из примет «языка вражды» служат «уничижительные наименования представителей другого этноса, распространенные в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи» (Грищенко, Николина, 2006, с. 175). Эти экспрессивные ненавистнические выражения способствуют созданию образа врага и тем самым укрепляют выстраиваемые человеком, использующим этот язык, оппозиции — разделение на «своих» и «чужих». Использование дискриминационных выражений по отношению к людям другой национальности или ориентации распространяют нетерпимость, укореняют и усугубляют стереотипы и предрассудки, сложившиеся в обществе. В западных социолингвистических исследованиях для обозначения подобных лексических маркеров, отражающих некие бинарные оппозиции, используют термин «этнофолизм» (Грищенко, Николина, 2006, с. 176).

Слово «этнофолизм» образовано сложением корней двух греческих слов: ἔθνος (род, племя) и φαῦλος (дурной, ничтожный) — и обычно толкуется как «словесный символ и штамп, обладающий оттенками этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам» (Грищенко, Николина, 2006, с. 176). Можно сделать вывод, что этнофолизмы — это нега-

тивно окрашенные лексические единицы языка, которые существуют для обозначения представителей различных этносов и культур. К примеру, это слова такого типа, как «чурка» — оскорбление, используемое на территории России для обозначения жителей Центральной Азии и коренных народов Кавказа; «фриц» — уничижительное прозвище для немцев, активно распространившееся во время мировых войн на территории России, Великобритании, Франции, Венгрии, Польши, Латвии; «шиптары» — пренебрежительное разговорное прозвище для албанцев, используемое в южнославянских балканских странах.

Однако, несмотря на разнообразие используемых в научной сфере обозначений термина «язык вражды», А.В. Евстафьева подчеркивает, что ни один из синонимичных переводов не является в полной мере соответствующим, так как обозначает «либо явление, являющееся его частным случаем, либо понятие, более широкое по объему» (Евстафьева, 2009). А.В. Евстафьева считает, что у «языка вражды» как вида коммуникации дискриминационного характера есть два обязательных элемента: негативное значение и адресность. В то время как причины использования «языка вражды» не являются необходимыми компонентами для исследования этого явления, так как они имеют переменный характер (Евстафьева, 2009). Например, это могут быть нападки на почве религиозной или национальной принадлежности.

По нашему мнению, наиболее подходящим эквивалентом для термина «язык вражды» будет понятие «речевая агрессия». «Речевая агрессия — это специфическая форма речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» (Дзялошинский, 2006). Как правило, в текстах выделяют два варианта речевой агрессии:

- 1) непосредственный директивный призыв к агрессивным действиям;
- 2) формирование или поддержание у адресата враждебного настроя, агрессии (Дзялошинский, 2006).

Речевая агрессия мешает построению диалога между конкретными людьми и целыми группами, затрудняет полноценный обмен информацией и возможность создания положительной цифровой среды. Стоит согласиться с В.А. Ефремовым, который отмечает, что суть «языка вражды» в делении общества на «своих» и «чужих» и тот факт, что этот инструмент работает на верbalном уровне, делает его своеобразным способом конструирования моделей социального неравенства (Ефремов, 2021, с. 256).

Причины распространения «языка вражды»

Источники появления «языка вражды» в зависимости от периода времени, места, политической и социальной ситуации сопряжены с разными причинами. С развитием общества, нарастанием влияния на людей толерантных установок и политкорректности появляется все больше новых этических рекомендаций, правил, составляются принципы существования пользователей в медиапространстве, для того чтобы процесс общения и обмена информацией были более экологичными. Так, например, раньше слова «негр», «инвалид», «наркоман» или даже «лицо кавказской национальности» не казались чем-то некорректным, нетерпимым и использовались в повседневной устной речи, в литературе. Сегодня же эти слова являются дискриминационными или нежелательными для использования в обществе, их следует заменять на более толерантные варианты: вместо «негр» — темнокожий, вместо «инвалид» — человек с инвалидностью, вместо «наркоман» — человек, употребляющий наркотики, а вместо «лицо кавказской национальности» лучше использовать конкретные названия, указывающие на этническую идентификацию, например «армянин» и т. д.

Уровень вербальной агрессии во многом зависит от перечисленных ниже факторов.

Социальные факторы:

- высокий уровень социальных рисков;
- слабое гражданское общество

(Дзялошинский, 2019, с. 184).

Экономические факторы:

- низкий уровень жизни большинства населения;
- вызывающее неравенство в уровне доходов населения.

Политические факторы:

- снисходительное отношение к националистически настроенным представителям власти;
- поддержка людей с дискриминационными взглядами в правительственные структурах;
- развитие политических группировок, продвигающих ненависть к иностранцам, мигрантам.

Культурные факторы:

- распространённость среди населения националистических взглядов, стереотипов, предубеждений;
- негативное отношение к «другим» группам, культурам, обычаям, религиям и т. д.;
- отсутствие противодействия ксенофобии, расизма и других видов дискриминации в выступлениях лидеров мнений, блогеров, инфлюенсеров и др.;
- распространённость дискриминационных тем в массо-

вой культуре и СМИ (Дзялошинский, 2019, с. 184-185).

Еще одной причиной появления и развития «языка вражды» можно назвать политическую стратегию манипулирования обществом, в том числе посредством СМИ, которые зачастую служат источником пропаганды и распространения негативного дискурса. Однако сегодня это могут быть уже не только СМИ, но и социальные сети. Существует такое явление как «фабрика троллей», другими словами, спонсируемая государством интернет-пропаганда, которая действует через нанимаемых людей, которые с помощью фейковых аккаунтов в социальных сетях, на интернет-платформах и видеохостингах распространяют недостоверную информацию, а также дискредитируют тех, кого им заказали. Эту функцию сегодня также могут выполнять боты, цель такой работы заключается в манипулировании общественным мнением, создании враждебного дискурса, а также в подстрекании к агрессии. «Фабрики троллей» и боты являются новыми медийными инструментами распространения «языка вражды» в интернете.

Виды «языка вражды»

Интуитивно понятно, что «язык вражды» может проявляться в очень разных формах. Это требует определенной классификации «языка вражды». На первых порах основные виды «языка вражды» были классифицированы следующим образом:

- A) прямые и непосредственные призывы к насилию (т. е. в связи с конкретной ситуацией, с указанием объекта насилия);
- B) призывы к насилию в виде общих лозунгов (провозглашение насилия допустимым средством в своих статьях, документах и т. п., в том числе и в виде абстрактных призывов типа «Бей жидов!»);
- C) прямые и непосредственные призывы к дискриминации;
- D) призывы к дискриминации в виде общих лозунгов;
- E) завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных, примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора...» и т. п.);
- F) создание негативного образа этнической или религиозной группы (сопряжено не с конкретными обвинениями, а скорее передано тоном текста);
- G) оправдание исторических случаев насилия и дискриминации (выражения типа «после всего, что творили чеченцы, естественно, что...»);

- H) публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (например, масштабы холокоста или утверждение, что «чеченцев выслали за то, что они перешли на сторону Гитлера»);
- I) упоминание названия этнической или религиозной группы в уничижительном контексте (как правило, встречается в заголовках);
- J) утверждения о неполноценности (недостатке культурности, интеллектуальных способностей, неспособности к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой (идеи типа «азербайджанцы только на рынке работают», «казахи туповаты»);
- K) утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой (типа «мусульмане всегда распространяли свою веру огнем и мечом», «поляки всегда злоумышляли против русских»);
- L) указание с целью дискредитации на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами (турки-месхетинцы как агенты влияния Турции, католики как агентура Запада в целом);
- M) утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы (например, «цыгане — воры»);
- N) утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы («евреи корыстолюбивы», «цыгане — обманщики»);
- O) рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т. д.;
- P) обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности», «иностранные застройщики превращают Москву в нерусский город», «мормоны подрывают нашу православную идентичность»);
- Q) упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унизительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике);
- R) призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т. д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, протесты против строительства мечети в «православном городе»);
- S) цитирование явно ксенофобных высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста; ана-

логично предоставление места в газете для явной националистической пропаганды без редакционного комментария или иной полемики (Баранов, 2011; Воронина, Токтогулова, Кайыпов, 2021; Дзялошинский, 2006; Bar-Tal, 1989; Ruscher, 2001; Handbook, 2009).

Однако по мере развития социальных сетей появилась необходимость рассмотреть новые виды «языка вражды». Ниже приведены некоторые из них.

Газлайтинг. Происхождение этого термина связано с фильмом «Gaslight» режиссера Джорджа Кьюкора. Газлайтинг — это вид психологического насилия, где агрессор пытается убедить жертву в ее неадекватности, в наличии у нее ментального расстройства, сумасшествии, неправильном восприятии реальности жертвой.

Приемы газлайтинга:

- неподтверждение фактов («О чем ты? Я не говорил этого»);
- неподтверждение эмоций («Ты сейчас неадекватно рассуждаешь из-за депрессии. Не усложняй»);
- навязывание мнения («С тобой что-то странное происходит. Ты слишком остро реагируешь на несущественные мелочи»);
- навязывание неадекватности восприятия («Что значит, не помнишь? Мы обсуждали это вчера за ужином»);
- обвинение в некомпетентности («Ты не умеешь/не сможешь это сделать. У тебя никогда ничего не получается»);
- обесценивание суждений («Это тебе так кажется, а весь остальной мир считает, что...»).

В крайних проявлениях это доходит до убеждения жертвы в ее полностью неадекватном восприятии реальности и сумасшествии, в более мягких вариантах это выражается в том, что жертве отказывается в правильности и обоснованности чувств, реакций и восприятия мира (Кравец, URL; Кочетков, URL).

Неглектиング (от англ. neglect — пренебрежение; небрежность, невнимание, халатность) — одна из форм насилия, когда агрессор несет ответственность за заботу о ком-то, но не осуществляет этой заботы. Примеры неглектинга: подтверждение риску (например, рискованное вождение машины); отказ в помощи (например, в опасной ситуации); отказ в покупке необходимых вещей, продуктов, лекарств; игнорирование потребности в обращении за медицинской помощью или отказ в ней и т. д.

Кибермоббинг (иногда используется термин «кибербуллинг») — рассылка посредством сети интернет или других цифровых технологий личных сообщений или публикация

постов, содержащих вредоносный или иной материал, несущий социальную агрессию. ЮНИСЕФ определяет это явление так: «травля с использованием цифровых технологий. Это целенаправленная модель поведения, которая ставит своей задачей запугать, разозлить или опозорить того, кто стал объектом травли» (Коданева, URL). В качестве примеров организация приводит следующие признаки кибермоббинга:

- 1) распространение ложной информации или размещение компрометирующих, высмеивающих фотографий кого-либо в социальных сетях;
- 2) отправку обидных сообщений или угроз в мессенджерах;
- 3) выдачу себя за кого-то другого и отправку недопустимых сообщений другим от чужого имени.

Варианты кибермоббинга:

- оскорбление — рассылка вульгарных, оскорбительных комментариев, сообщений и электронных писем. Может происходить как в открытом пространстве интернета, так и в сообщениях вида peer-to-peer;
- домогательство — целенаправленное, многократное третирование определенной жертвы сообщениями непристойного содержания с грубой лексикой, часто с элементами угрозы;
- распространение слухов — публикация фото-, видео-, аудио- и печатных материалов для очернения репутации жертвы;
- фиктивное имя, чаще всего происходит тогда, когда злоумышленник взламывает или крадет пароль жертвы.

Троллинг (provocation, издевательство, провокация). Р.А. Внебрачных характеризует это явление как: «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия» (Внебрачных, 2012, с. 49). Троллинг оказывает деструктивное влияние как на человека, на которого он направлен, так и в целом на коммуникативную среду в конкретном сообществе. Тролль характеризуется как человек, который нарушает этику онлайн-взаимодействия, а также демонстрирует неэкологичное, агрессивное поведение.

Хейт (от англ. hate — ненависть) — проявление ненависти по отношению к кому-либо в форме оскорблений, провокаций и т. д. В рамках такой модели коммуникации в медиапространстве по отношению к жертве используется специфический язык ненависти (хейт-спич) (Щетинина, 2022, с. 35).

Флуд (от англ. flood — наводнение) — поток однотипных

сообщений в комментариях в социальных сетях, чатах, на интернет-форумах. Флуд может распространяться из желания задеть, досадить или уязвить адресата. Флуд затрудняет общение и обмен информацией в сетях.

Сталкинг (от англ. *stalking* — преследование) — нежелательное навязчивое внимание, преследование человека или группы лиц, иногда с целью запугать или шантажировать. Сталкинг может выражаться в форме нежелательных настойчивых сообщений, звонков, домогательств или даже угроз (Почему подглядывают за бывшими в сети, URL).

Кэтколлинг (от англ. *catcalling* — освистывание) — домогательства от незнакомцев в общественных местах (Кэтколлинг, URL). Приставания могут выражаться как в вербальной форме: свист, оклики, грубые высказывания, — так и в невербальной форме: непристойные жесты, демонстрация половых органов. В более серьезных случаях домогательства могут переходить в физическую форму: нежелательные прикосновения, попытки преградить дорогу, схватить.

Шейминг (от англ. *shaming* — стыдить) — форма публичного унижения, очернения, травли человека или группы лиц в Интернете, через платформы социальных сетей (Что такое «шейминг», URL).

Виктимблейминг (*victim blaming*) — обвинение жертвы акта насилия или преступления в произошедшем. Виктимблейминг может выражаться в форме комментариев типа «сам/сама виновата», в виде оправдания преступника или же травли человека, пережившего физическое или психическое насилие (Виктимблейминг, URL).

Флейминг (от англ. *flame* — вспыхнуть, разгораться) — спор ради спора, словесная война, бесцельная дискуссия в чате или комментариях, сопровождающаяся использованием грубых, неприемлемых выражений. Флейминг — форма конфликта, вспышка, которая в конечном счете может привести к травле (Флейминг, хейтинг и не только, URL).

Гостинг (от англ. *ghost* — призрак) — внезапное прекращение общения, избегание и игнорирование сообщений, звонков без предупреждения и объяснения причины («Почему он не отвечает», URL).

Аутинг (от англ. *outing* — выход, предание гласности) — публичное разглашение компрометирующей информации о жизни человека без его согласия. Понятие чаще применяется к тем, чья принадлежность к ЛГБТ+ сообществу была обнародована (Троллинг, аутинг и фрейпинг, URL).

Кенселлинг (от англ. *cancel culture/callout culture* — культура отмены) — культурный бойкот, публичное осуждение человека за его поступки или мнение по какому-либо вопросу.

Способ привлечения к ответственности за аморальные, асоциальные действия, что также может повлечь изгнание этого человека из его профессиональных кругов на неопределенный промежуток времени (Что такое «культура отмены», URL). Подобная практика использовалась еще в Римской империи как вид наказания: к императорам, которые совершили какой-либо непростительный поступок, применялась репутационная казнь (*damnatio memoriae* — проклятие памяти) (Российский синдром отмены, 2022). Наиболее ярким современным примером проявления культуры отмены является массовый кенселянинг российских культурных деятелей, учёных, предпринимателей, спортсменов и в целом России как страны в связи с началом специальной военной операции на Украине.

Список литературы:

- Акопов, С.В. (2011). Основные подходы к построению политического сообщества в эпоху глобализации. Управленческое консультирование, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-postroeniyu-politicheskogo-soobschestva-v-epohu-globalizatsii>
- Акопов, С., Прошина, Е. (2011). Неоконченное приключение образа «врага»: от теории «секьюритизации» до «далеких местных». Власть. № 1.
- Баранов, А. Н. (2011). Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основы и практика. Москва. Флинта. Наука.
- Большая актуальная политическая энциклопедия. 2009. Москва. Эксмо.
- Бэррон, Р., Ричардсон, Д. 2001. Агрессия. Санкт-Петербург. Питер.
- Василенко, Е. Н. 2019. «Язык вражды»: к определению термина. Романовские чтения. Могилев. Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова.
- Виктимблейминг: когда обвиняют жертву. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/611a653e9a7947d8200d28e4>
- Витгенштейн, Л. 2022. Логико-философский трактат. Москва.
- «ВКонтакте» тестирует нейросеть для борьбы с языком вражды. URL: <https://vk.com/press/no-hate-speech>.
- Внебрачных, Р. А. 2012. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах. Вестник Удмуртского университета. № 1.
- Воробец, Л. В. Проблема политкорректности в аспекте межкультурной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-politkorrektnosti-v-aspekte-mezhkulturnoy-kommunikatsii>
- Воронина, Е. А., Токтогулова, Э., Кайыпов, Э. 2021. «Язык вражды» в современном медиа- и коммуникационном пространстве. Бишкек. ОФ «Центр поддержки СМИ».
- Галышина, Е. И., Никишин, В. Д. 2021. Язык вражды как угроза информационной безопасности интернет-коммуникации. Вестник Санкт- Петербургского университета. № 12(3).
- Ганди, М. 2012. Революция без насилия. Москва. Алгоритм.
- Гладилин, А. В. 2013. «Язык вражды» как форма проявления кон-

фликтов, основанных на стереотипах. Вестник Челябинского государственного университета. № 21(312).

Грищенко, А. И., Николина, Н. А. 2006. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург. Уральский университет.

Гудков, Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smeschennaya-agressiya-otnoshenie-rossiyian-k-migrantam>.

Гусейнов, Г. Раскрытие русского языка к свободе. URL: <https://www.hse.ru/news/1163625/92141669.html>

Дзялошинский, И. М. 2019. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. Чебоксары: ИД «Среда».

Дзялошинский, И. М. 2006. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. Москва. Гуманистический институт.

Дэвидсон, Д. 1990. Функционирование русского языка: методический аспект. Москва. Русский язык.

Евлентьев, И. 2004. Определение политической корректности. Москва. Независимый пресс-центр.

Евстафьева, А. В. 2009. Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов.

Ежегодный доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g13/101/50/pdf/g1310150.pdf>

Ефремов, В. А. 2021. Язык вражды: ковидный извод. Русский язык коронавирусной эпохи. Санкт-Петербург. Институт лингвистических исследований Российской академии наук.

Закоян, Л. М. 2008. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований. Вестник РУДН. № 2.

Ионин, Л. Г. 2010/1. Апдейт консерватизма. Москва. Издательство Государственного Университета — Высшей Школы Экономики.

Ионин, Л. Г. 2010/2. Общество меньшинств: политкорректность в современном мире. Москва. Издательство Государственного Университета — Высшей Школы Экономики.

Коданева, С. И. Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-prichiny-yavleniya-i-metody-preduprezhdeniya>

Комлев, Н. Г. 2000. Словарь иностранных слов. Москва. Эксмо-Пресс.

Кочетков, Я. Газлайтинг: насилие, о котором не говорят. URL: <http://www.psychologies.ru/standpoint/gazlayting-nasilie-o-kotorom-ne-govoryat/>

Кравец, М. Газлайтинг — это что такое, и как с ним бороться? URL: <http://fb.ru/article/357254/gazlayting---eto-chto-takoe-i-kak-s-nim>

borotsya

Кэтколлинг: почему женщинам свистят на улице и как на это реагировать. URL: <https://lifehacker.ru/ketkolling/>.

Лобанова, Л. П. Осторожно: политкорректность! URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3266779/post107992474/>

Майба, В. В. 2012. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков). Политическая лингвистика. № 2.

Майба, В. В. 2013. Политическая корректность как лингвоидологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.

Михайлова, М. С. 2012. Языковой торт при именовании лица в англоязычном клиентском дискурсе. Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. № 2 (16).

Насилие и его влияние на здоровье. 2003. Доклад о ситуации в мире. Москва. Весь Мир.

Никоненко, С. В. 2018. Витгенштейн и лингвистическая философия в контексте отечественной философской мысли. Санкт-Петербург. Издательство РХГА.

Поварницина, Н. С. Свобода творчества и феномен хулиганства в русской лирике Серебряного века (В. Брюсов, В. Каменский, С. Есенин). URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/4594/povarnic.pdf?sequence=1>

«Почему он не отвечает»: что такое гостинг, и как не стать его жертвой. URL: <https://www.marieclaire.ru/psychology/pochemu-on-ne-otvechaet-chto-takoe-gosting-i-kak-ne-stat-ego-zhertvoi/>

Почему подглядывают за бывшими в сети. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2015/09/25/7777175/online_surveillance.shtml

Правила в отношении дискриминационных высказываний. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/2801939>

Приемышева, М. Н. 2021. Язык вражды: ковидный извод. Русский язык коронавирусной эпохи. Санкт-Петербург. Институт лингвистических исследований Российской академии наук.

Романова, Т. В. Толерантность и политкорректность:Аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-i-politkorrektnost-analiticheskiy-obzor-sovremennoogo-sostoyaniya-problemy-lingvisticheskiy-aspekt>

Российский синдром отмены. 2022. СоциоДиггер. № 3–4 (17).

Спиноза, Б. 1999. Избранное. Минск. Попурри.

Тер-Минасова, С. Г. 2000. Язык и межкультурная коммуникация. Москва. Слово / Slovo.

Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36532>.

Требования к контенту. URL: <https://yandex.ru/support/zen/requirements/rules.html#hatespeech>.

Троллинг, аутинг и фрейпинг: разбираемся в сетевой травле. URL: https://mel.fm/vospitaniye/psikhologiya/834126-cyber_bullying_guide

Флейминг, хейтинг и не только: что родители должны знать о

кибербуллинге. URL: <https://mel.fm/blog/anastasia-muraveva/56703-fleyming-kheyting-i-ne-tolko-cto-roditeli-dolzhny-znat-o-kiberbullinge>.

Хроменков, П. Н. 2014. «Язык вражды» как направление научного дискурса. Иностранные языки в высшей школе. № 2.

Чернявская, В. Е. 2021. Социальное значение в зеркале политической корректности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 18 (2).

Что такое «культура отмены». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f141f629a7947a2dd971850>.

Что такое «шэйминг» и чем он опасен? URL: <https://repost.uz/shame-on-you>.

Шаховский, В. И. 2008. Лингвистическая теория эмоций: монография. Москва. Гнозис.

Шесть Случаев Неадекватной Политкорректности. URL: <https://www.sashafirs.com/blog/weird-political-correctness/>

Щербинина, Ю. В. 2004. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. Москва. Флинта.

Щетинина, А. В. 2022. Хейт и ненависть как формы вражды в современной коммуникации: опыт портретирования лексемы и понятия. Вестник Томского государственного педагогического университета. № 1.

Bar-Tal, D. 1989. Delegitimization: The extreme case of stereotyping and prejudice. Stereotyping and prejudice: Changing conceptions. New York. Springer.

Bauman, Z. 2004. Europe: An Unfinished Adventure. Cambridge. Polity Press.

Beard, H., Cerf, C. 1995. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. New York.

Diederichsen, D. 1996. Politische Korrekturen. Köln. Kiepenheuer & Witsch.

ECRI General policy recommendation no. 15 on combating hate speech. Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech/16808b5b01>

Ely, R. J., Meyerson, D. E., Davidson, M. N. 2006. Rethinking political correctness. Harvard Business Review. 84 (9).

Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination. 2009. New York. Hove: Taylor & Francis Group.

Hate Speech. Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/freedom-expression/hate-speech>

Lakoff, R. 2000. The Language War. Berkeley. University of California Press.

Lakoff, R. T. 2004. Language and Woman's Place: Text and Commentaries. Oxford University Press.

Leech, G. N. 1983. Principles of Pragmatics. London. New York.

MacCallum, G. C. 1967. Negative and Positive Freedom. The Philosophical Review. Vol. 76. No. 3.

Marques, J. 2009. How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon. Business & Society. 48 (2).

- Mills, S. 2003. Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women's Negotiations with naming practices. *Discourse and Society*. 14 (1).
- No Hate Speech Movement. URL: <https://rm.coe.int/1680700016>.
- Opening remarks at press encounter at launch of United Nations Strategy and Plan of Action on Hate Speech. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2019-06-18/un-strategy-and-plan-of-action-hate-speech-press-remarks>
- Reporting Hate Speech. URL: <https://www.coe.int/en/web/no-hate-campaign/reporting-hate-speech>
- Ruscher, J. 2001. Prejudiced Communication. New York.
- Samovar, L. A. 1981. Understanding Intercultural Communication. Belmont. California. Wadsworth Publishing Company.
- Schiffrin, D. 2001. Language, Experience and History: What Happened in World War II. *Journal of Sociolinguistics*. 5 (3).
- Suhr, S., Johnson, S. 2003. Re-visiting PC. Introduction to Special Issue on Political Correctness. *Discourse and Society*. (14).
- Taras, R. 2009. Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia. Lanham.
- United Nations strategy and plan of action on hate speech. United Nations Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/UN%20Strategy%20and%20Plan%20of%20Action%20on%20Hate%20Speech%2018%20June%20SYNOPSIS.pdf>.
- What is the No Hate Speech Movement? URL: <https://www.coe.int/en/web/no-hate-campaign>
- Wilson, J. K. 1995. The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education. Durham, NC: Duke University Press.
- Wimmer, R. 1998. Politische Korrektheit (political correctness). verschärfter Umgang mit Normen im Alltag. *Der Deutschunterricht*. Jr. 50 (3).

Об авторе:

ДЗЯЛОШИНСКИЙ Иосиф Михайлович (Москва, Россия) – доктор филологических наук, проректор по науке Академии коммуникации и информации, член Правления Национальной ассоциации исследователей массмедиа, действительный член Евразийской академии телевидения и радио, член редакционного совета Российской коммуникативной ассоциации, imd2000@yandex.ru.

LECTURE #6. FREEDOM AND LANGUAGE: AFFORDANCES OF THE INFORMATION AND COMMUNICATION UNIVERSE

Abstract: The lecture is devoted to the analysis of problems associated with the possibility of using different language resources to influence the consciousness and behavior of the addressee of communicative interaction. It is shown that the idea of unlimited freedom of language actualizes the problem of using obscene language and "free" handling of lexical and grammatical norms. The question of the so-called linguistic and speech hooliganism immediately arises. An even more important problem is associated with the so-called "hate speech", the nutrient medium of which is xenophobia. The lecture examines the reasons for using "hate speech", its types and forms. It is proposed to replace the vague concept of "hate speech" with the concept of "speech aggression". Based on the idea of B. Spinoza, according to which freedom in relation to human behavior is a conscious necessity, another way of using language technologies, united by the concept of "political correctness", is considered. The essence of this model of human communication, its theoretical prerequisites, positive and negative aspects of use are considered.

Key words: freedom, hate speech, verbal aggression, political correctness.

About the author:

Dzialoshinskii Iosif Mihailovich (Moscow, Russian Federation) — Dr. of Philol., vice-rector for Science of the Academy of Communication and Information, member of the board of the National Association of Mass Media Researchers, full member of the Eurasian Academy of Television and Radio, member of the editorial board of the Russian Communication Association (imd2000@yandex.ru).

MA’RUZA №6. ERKINLIK VA TIL: AXBOROT VA KOMMUNIKATSIYA OLAMINING IMKONIYATLARI

Annotatsiya: Ma’ruza kommunikativ o’zaro ta’sir jarayonida murojaat qilinuvchining ongiga va xulq-atvoriga ta’sir ko‘rsatish uchun turli til resurslaridan foydalanish imkoniyatlari bilan bog‘liq muammolarni tahlil qilishga bag‘ishlangan. Tilning cheksiz erkinligi g‘oyasi haqoratli (odobsiz) so‘zlardan foydalanish hamda leksik va grammatik me’yorlarga “erkin” munosabatda bo‘lish muammosini dolzarblashtirishi ko‘rsatiladi. Shu bilan birga, til va nutqdagi bezorilik (xuliganlik) masalasi darhol yuzaga keladi. Yanada muhimroq muammo esa asosi ksenofobiyaga tayanuvchi “nafrat nutqi” bilan bog‘liq. Ma’ruzada “nafrat nutqi”dan foydalanish sabablari, uning turlari va shakllari ko‘rib chiqiladi. Noaniq “nafrat nutqi” tushunchasini “nutqiy agressiya” tushunchasi bilan almashtirish taklif etiladi. B. Spinozaning inson xulq-atvoriga nisbatan erkinlik — anglangan zaruriyatdir, degan g‘oyasiga asoslani, “siyosiy korrektlik” tushunchasi bilan birlashgan til texnologiyalaridan foydalanishning yana bir yo‘li tahlil qilinadi. Ushbu insoniy muloqot modelining mohiyati, uning nazariy asoslari, qo‘llashning ijobiy va salbiy jihatlari ko‘rib chiqiladi.

Kalit so’zlar: erkinlik, nafrat nutqi, nutqiy agressiya, siyosiy korrektlik.

Muallif haqida:

Dzialoshinskii Iosif Mihailovich (Moskva, Rossiya Federatsiyasi) – Filologiya fanlari doktori, Aloqa va axborotlashtirish Akademiyasining ilmiy ishlari bo'yicha prorektori, Ommaviy axborot vositalari tadqiqotchilari Milliy assotsiatsiyasi kengashi a'zosi, Evroosiyo televideniye va radio Akademiyasining haqiqiy a'zosi, Rossiya aloqa assotsiatsiyasi tahririyati a'zosi, imd2000@yandex.ru